

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2023.36.66.036

Влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в реалиях современного мира: философский анализ (часть 2)

Равочкин Никита Николаевич

Доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры педагогических технологий,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия;
доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Весенняя, 28;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Максимов Сергей Владимирович

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: marxserge@mail.ru

Млечко Александр Владимирович

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: mlechko@mail.ru

Стенина Наталья Александровна

Кандидат технических наук, доцент,
декан инженерного факультета,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: stnat33@mail.ru

Юрьев Роман Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии и логики,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, просп. Ленина, 36;
e-mail: yuriev2003@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в современных эмпирических контекстах. Выявляются и прослеживаются причинно-следственные между преобразованием социокультурной реальностью и темпоральностью. Аргументирован различный характер протекания времени в мировых регионах. Предлагается сделать акцент на особенностях институционального строительства в зависимости от типа темпоральности. Проанализирована специфика детерминационного воздействия западной и отечественной темпоральности на процессы институционального строительства. В заключение исследования авторы подводят общие итоги проведенной работы и намечают панораму дальнейших исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н., Максимов С.В., Млечко А.В., Стенина Н.А., Юрьев Р.А. Влияние темпоральности на функционирование социальных институтов в реалиях современного мира: философский анализ (часть 2) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 2А. С. 215-225. DOI: 10.34670/AR.2023.36.66.036

Ключевые слова

Темпоральность, общество, институт, взаимодействия, культура.

Введение

Во второй части статьи следует обратиться к изучению влияния темпоральности на формирование социокультурной реальности в западной культуре. Следует оговориться, что западная культура не гомогенна. Как уже отмечалось, для нее характерно линейное восприятие времени: т. е. есть начало и есть конец истории. Точкой отсчета является изгнание из рая, тогда как дальнейшее развитие времени имеет превалирующие возможности по пути ухудшения или упадка [Дугин, 2011]. Иными словами, история, которая имеет начало, раньше или позже, все-таки подойдет к своему концу. Линейное восприятие времени связано с христианством: едва ли не наиболее яркое проявление можно увидеть в протестантизме, положения которого имеют существенные отличия как от католичества, так и от православия. В отличие от иных христианских верований, протестантизм не идеализирует бедность, для него не характерна идея отказа от земных благ. Являясь синтезом теоретических конструктов, протестантизм выдвигает на первый план такую разновидность мышления и действий, высвечивающих главным образом смысл богослужения, тогда как поступки людей приводят к самоутверждению величия Бога, что вполне объясняет тезис «не Бог существует для людей, а люди для Бога» [Вебер, 1990, 141-142]. Активность земной жизни любого человека всегда сопряжена с предназначенной Богом уникальной судьбой, поэтому протестанты убеждены, что все остальные проводники религиозных идей не в силах оказать помощь той или иной личности и тем самым изменить божественный замысел: «Протестантский тип личности фундирован легши ми в основу современных аксиологем идеями (качественного) “трудолюбия”, “служения” (людям и обществу с крайним индивидуализмом), “спокойным восприятием” (социальной несправедливости как установленной Богом и по тому оправданной и должной)» [Равочкин, 2021, 76]. Более того, выделенная индивидуализация сознания, как подчеркивают некоторые исследователи, выходит далеко за территориальные границы так называемых «протестантски

ориентированных и относящихся к этому направлению государств», фактически становясь одной из отличительных характеристик современного мира [Рудаков, 2012, 30].

Основное содержание

Профессиональная активность индивидов, в результате которой и складывается определенная социальная структура и архитектоника, подкрепляется нитью служения, причем выступая его особой формой. Таким образом, идейные основания институтов обществ, относимых к западному типу культуры, оказываются тесно связаны с установками индивидов по поводу реализации своего предназначения. Именно поступательное выполнение тех или иных практик, связанных с одновременным проявлением «любви к ближнему» и рациональным преобразованием социального благодаря выполняемой деятельности, что позволяет людям надеяться на преодоление собственной «закапсулированности» и тем самым доказать свою «богоизбранность» [Вебер, 1990, с. 144]. Развивая веберовские взгляды на протестантизм, мы отмечаем, что данное религиозное направление не предполагает сосредоточенности на себе или собственном внутреннем мире. Это объясняется тем, что в контексте протестантского направления задача хорошего христианина – это активное служение Богу через свою деятельность и, как следствие, уже отмеченные преобразования социокультурной среды: «Практически это означает, что Бог помогает тому, кто сам себе помогает, что кальвинист, таким образом, сам “создает” свое спасение, правильнее следовало бы сказать – уверенность в спасении» [Вебер, 1990, с. 151-152].

Закономерно, что в тех странах и даже целых регионах, где среди населения преобладает протестантизм, какие-либо «анти-деятельностные» настроения и одноименные способы организации и наполнения структуры свободного времени, воспринимаются не иначе как греховная бесполезная трата времени [Вебер, 1990, с. 186]. Следует признать, что философские теоретизирования на предмет восприятия и переживания времени дадут резонный вывод по поводу скоротечности жизни какого бы то ни было человека. Учитывая прагматику протестантизма, пустота и регулярные разговоры и светские развлечения идут вразрез со служением Богу, что в моральном аспекте маркируют такой жизненный стиль совершенно недопустимым. По словам А. Г. Дугина, современные западные общества научились «измерять время до его самых мельчайших долей» [Дугин, 2011]. Идейные истоки подобных современных объективаций лаконично сформулированы Б. Франклином («Время – деньги»), что также весьма прочно укоренилось в сознании протестантов.

Следует напомнить, что укоренение идей протестантизма в общественном сознании началось вследствие Реформации, которая также запустила процессы по активизации политической жизни, повышению роли парламента и способствовала повышению активности участия более широкого круга людей в общественной жизни, сформировав мировоззренческие установки на деятельностное преобразование социокультурной среды [Ерохин, 2017, с. 560].

В протестантской культуре физический или умственный труд становится целью и ключевым смыслом бытия. Как отмечает К. Хилл, в конкуренции между набором идей процветали те, которые предлагали «взяться за дело», активно влиять на социальную, политическую жизнь [Hill, 1965, с. 3]. Необходимость преобразования социокультурной реальности и более активного влияния на жизнь в целом привела к формированию нововременных политико-правовых институтов, многие из которых продолжают успешно функционировать и сегодня. К примеру, обращают на себя внимание демократические процедуры и формы участия граждан в

политической жизни государства.

Кроме этого, подчиненность жизни исключительно Богу приводит к десакрализации любой светской власти: в отличие от католика, для протестанта нет посредника в деле спасения, значит, ни церковь, ни священник – никто не мог изменить судьбу человека, лишь он сам трудом и служением способен «заработать» себе возможности нового рождения. Соответственно, в данной ситуации ни один властный актор не может идеализироваться, выходит, общество не перекладывает на него обязанности по «спасению» человека – поэтому функционирующие на избирательных и представительских принципах институты получили такое широкое распространение.

Отдельно следует подчеркнуть, что профессия и труд должны быть хорошо оплачиваемыми: «Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и выбираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания» [Вебер, 1990, с. 190]. Соответственно, в основании профессиональной деятельности человека – идеи служения, общественной пользы и обогащения, последнее воспринимается буквально как заслуженная награда за выполнение нравственных и социально полезных действий. Стоит сказать, что и сегодня профессионализм и успех (измеряемый в основном в финансовом выражении) остается в протестантских странах главным «сотериологическим» инструментом [Рудаков, 2012, с. 31]. Протестантизм, по словам Вебера, «освобождал приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывал оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу (в указанном выше смысле) занятие» [Вебер, 1990, с. 197].

Все вышесказанное позволяет отразить, насколько важное значение имеет для протестантов институт частной собственности, который, к слову, на протяжении столетий является краеугольным камнем западной культуры. Восприятие отсутствия денег и нищенствования крайне негативно: «Нищенствование, которому предается человек, способный работать, то это не только грех бездеятельности, но и, по словам апостола, нарушение завета любить ближнего своего» [Вебер, 1990, с. 191]. Бедняки не только не встречают сочувствия со стороны окружающих, но, напротив, воспринимаются в качестве угрозы социальным устоям, или «Robbers or Levellers» [Hill, 1995, с. 276].

Рациональная максимизация идей богатства и достойной оплаты труда во многом обусловила особенности формирования сферы экономики и финансовых институтов. Примечательно, что в протестантской системе верований одновременно уживаются стремление к ограничению наслаждений земной жизнью, обусловленностью обращенностью личности в будущее, в «жизнь после смерти», и позитивное восприятие богатства как логичного вознаграждения за социально значимую деятельность. Соответственно, в результате двуединого влияния отмеченных установок самоочевидными для нас представляются различные практики, связанные с накоплением капитала, поскольку аскетизм протестантизма и «препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала» [Вебер, 1990, с. 199]. Итак, излишки богатства и денежные накопления способствуют формированию основанных на инвестициях финансовых институтов, тогда как само восприятие капитала вслед за популярностью анализируемых идей во многом обусловило облик современного мира, как минимум, в части становления «экономикоцентризма» [Равочкин, 2021, с. 74]. Согласно данной парадигме, современный мир – это такое сложностное явление, которое фундировано смыслами

трудолюбия и последующего накопления, что, однако, приводит к сакрализации экономики, которая отныне не испытывает потребностей «в поддержке надэкономических, морально-религиозных источников» [Рудаков, 2012, с. 31].

Иными словами, религиозный индивидуализм трансформировался в индивидуализм экономический, обусловленный распадом деревенской общины и становлением «духа капитализма». В свою очередь, сочетание ментальных конструктов религиозного и экономического индивидуализма сформировало представление о новой власти человека, способного к деятельностному преобразованию наличных контекстуальных условий [Равочкин, 2021].

Отдельно обращаем внимание, что протестантская устремленность в будущее также обуславливает формирование мировоззренческих модусов и ориентиров на консерватизм: сохранение древних институтов, норм и правил обретает качественное измерения «блага» и «позитивности». Наличие отдельных, пусть и, в некотором смысле, архаизирующихся или даже рудиментарных, социальных институтов обосновывается тезисами об их витальном характере для западных стран: буквально они были созданы в прошлом и только поэтому они должны быть сохранены, укреплены и усилены [Дугин, 2011].

Соответственно, говоря об особенностях восприятия темпоральности в западной культуре, следует, прежде всего, отметить ее обращенность в будущее: человек не живет сейчас, он готовится к новой жизни и рождению после смерти, достичь которое можно исключительно служением Богу, но вовсе не другим, окружающим и/или обществу. Никто не способен занять какое-то промежуточное место между Богом и человеком и подарить ему надежду на спасение, ведь ее можно только «заработать» трудом и служением. Характерно, что такое служение должно быть хорошо оплачено, поскольку, если такая деятельность угодна Богу, то через нее человек реализует божественную волю, значит, ему не следует отказываться от достойной оплаты этой богоугодной активности. Бедность не только не вызывает сочувствия, но порицается. Принимая все вышесказанное, можно сделать вывод, что одной из важнейших социальных структур является институт частной собственности. Отсутствие посредничества приводит к вполне заметной десакрализации властных институтов и представленных в них людей, что приводит к формированию демократических установлений, основанных на избирательных процедурах. Огромное внимание придается денежной стороне труда, приведшей и способствующей формированию и экспорту современных финансовых структур западноевропейских и целого ряда других обществ, на которые они распространили свою деятельность.

Темпоральность и социокультурная реальность: Россия

Анализ двух контекстов позволяет судить, что если Китай выступает ярким представителем восточных культур с цикличным временем, ориентацией в прошлое, а Запад как идейный синтез имеет линейное время с обращенностью в будущее, то России, как это следует из множества имеющихся исследований, свойственно некоторое «пограничное» положение между ними. В частности, такая амбивалентность обуславливается географическими факторами, общей протяженностью страны, особенностями исторического развития, когда государство испытывает на себе влияние обеих культур, что приводит к формированию особой линейно-циклической темпоральности, очевидным образом находящей свое оформление в национальной институциональной архитектонике.

Прежде всего, следует отметить, что, отечественная темпоральность также оформлялась под влиянием систем религиозных верований, главным образом православия, которое, как и протестантизм, в большей степени ориентировано на будущее – и это позволяет сделать вывод о представленности линейной темпоральности в сознании россиян. Данная специфика восприятия и переживания времени заключается в ориентации на жизнь после смерти, тогда как «общая логика исторического процесса мыслится как деградация» [Дугин, 2011]. Таким образом, историческое развитие можно выразить через некоторое движение от Рая к Апокалипсису, что выдвигает на первый план поиски надежды на спасение, во многом обуславливая главенствующее положение церкви в российской общественной жизни со времен Киевской Руси и вплоть до Октябрьской революции.

При всем этом православное время неоднородно, поскольку оно включает в себя многочисленные темпоральности, в том числе циклическую, идея которой нашла свое отражение в организации повседневной жизнедеятельности россиян, день которых размечался богослужениями, их ритмикой: обязательными были утренние и вечерние молитвы, до и после трапезы, даже перед началом любого дела, посещение храма по воскресеньям. Цикличность православного времени всегда имела ярко выраженное нормативное значение: даже те, кто в силу определенных обстоятельств не мог полностью следовать церковным предписаниям, воспринимали распорядок дня как «норму», а свой распорядок дня – вынужденным отклонением от нее.

Разумеется, сегодня Россия – светское государство, а православное время течет где-то на «периферии» общества, тем не менее, за продолжительный период доминирования церкви сформировался особый тип мышления русского человека, включающий линейно-циклическую парадигму темпоральности. Линейность православной темпоральности сопровождается культивацией ценностей смиренности, покорности, исповедальности как в восточных культурах. Исповедальность, по мнению О.А. Джумайло, основывается на том, что человек чувствует себя виновным, «но не решается об этом рассказать прямо, прибегая к бесконечным уловкам, утайкам, околичностям» [Джумайло, 2012, с. 98]. Ответ кроется в том, что травматический опыт, страдания и стыд образуют фундамент для исповедального сознания – и в то же время способствуют вполне пониманию и признанию собственной исключительности и отличий от других, осознанием несовершенства мира и следующего за этим стремления к преобразованию проблемных компонентов социокультурной действительности.

Исповедальность русского национального характера сформирована бесконечными далями страны. Еще Н.А. Бердяев отмечал, что «русская стихия разлита по равнине, она всегда уходит в бесконечность. И в географии русской земли есть соответствие с географией русской души» [Бердяев, 1923]. Во всей географии отечественной природы чувствуется некоторая неоформленность, а в русской душе можно отчетливо увидеть преобладание внутреннего смысла над внешней формой. Русский человек не может жить в формах и границах, устремляясь к предельному личному Апокалипсису. Выросший на бескрайних российских просторах, он имманентно мыслит категориями глобальными и космическими: «Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье чтоб успокоиться: дешевле он не примирится» [Достоевский, 1995, 427]. Отсутствие этого «счастья» во всемирном масштабе продуцирует страдания, заставляя россиян пребывать в перманентном поиске такового, вырабатывая многочисленные концепции, направленные на достижение именно такового – поэтому неудивительны некоторые эксперименты в аспекте построения и трансформации институциональной архитектоники. Получается, что если сама исповедальность, как и наличие

внутренних регуляторов поведения, сближает россиян с представителями восточных культур, то стремления к remodelированию социальных феноменов во многом аналогичны мотивации к активному строительству окружающего мира, так часто наблюдаемого на Западе.

Противоречивость, одновременная обращенность и в прошлое, и в будущее оказывают влияние на особенности национальной архитектоники: на протяжении столетий огромное значение для развития государства имел институт престолонаследия, однако в начале прошлого столетия власть была полностью изменена под влиянием целого комплекса факторов и производной благодаря ним череде событий.

Запуск подобных функциональных цепей социальных идей является валидным объяснением того, почему же на протяжении прошлого столетия зачастую появлялись неконтролируемые стремление к преобразованиям, строительству и даже импорту новых и даже не адаптированных под отечественные контекстуальные реалии институтов. По сути, новая власть на некоторое время заняла место царя. Более того, нельзя не отметить реальное отсутствие демократических процедур при их представленности «на бумаге», что делает справедливыми умозаключения о декларативном или же фасадном характере отечественных институтов. Однако инерция, которая не могла не сказаться на социокультурной динамике вследствие наблюдаемых после распада СССР параллелей, в некотором роде повторила ситуацию в рассматриваемом аспекте модернизации и преобразования российской институциональной архитектоники.

Противоречивые тенденции, рельефным образом представленные в отечественной темпоральности, также находят свои подтверждения благодаря обращению к идее вечности как бесконечности, которая, к слову, через противопоставления может быть интерпретирована и как отсутствие времени. Проникновение вечности во время, суть в мирское, осуществляется за счет включения всех сторон общественной жизни и институтов в определенные религиозные контексты. Подобное восприятие священного и обуславливает главенствующую роль православной церкви, на протяжении столетий направляющей все аспекты жизнедеятельности российского социума. В этом усматривается определенное желание переноса части ответственности на внешний мир с характерной покорностью и смирением, но в то же время сочетающееся с и активной позицией. Интенции к преобразованию социокультурной реальности нашли свои проявления в формировании современного российского общества: из небольшого славянского княжества ему удалось стать самой большой страной в мире, объединить многочисленные и разнообразные территории в одно государство. С древнейших времен замечены стремления к строительству и возведению целых городов с уникальной архитектурой. Важно добавить, что указанное качество национального русского характера сформировалось в глубокой древности, когда скандинавы именовали Русь «Gardar», или «Страна городов» [Джаксон, 2015, с. 172]. Во многом столь активное стремление к remodelированию наличной архитектоники сформировалось под влиянием особенностей исторического развития страны, социальный порядок которой неоднократно проходил определенные проверки «на прочность», причем как внешними, так и внутренними вызовами.

В целом, говоря об особенностях отражения линейно-циклической темпоральности в институциональной архитектонике, следует подчеркнуть, что мировоззрение россиян формируется под влиянием комбинаций восточных и западных культур, органично сочетая в себе сосредоточенность первой с индивидуалистскими проявлениями второй. Отечественная темпоральность противоречива, в ней присутствуют и линейность развертывания исторического процесса, и цикличность, которая организует ежедневную жизнь человека и его практик. Актуализация поисков спасения в движении истории зачастую перекладывается на

чь-либо плечи, главным образом правителя или религию, что с учетом традиций определяет ведущие роли данных институтов в центре общественной жизни России. Наличие посредника между человеком и Богом не позволяет российской культуре приобрести ту рельефную индивидуальность, характерную для западной культуры, следствием чего выступает формирование качеств соборности и коллективизма. При этом осознание собственной конечности не позволяет русскому человеку обратиться исключительно внутрь себя и спокойно ожидать наступления смерти, как это характерно для представителей восточных культур. Социальные трансформации могли иметь больший процент на успех, если бы не производное от продемонстрированных противоречий снижение стремлений к активному и длительному преобразованию действительности. Также следует добавить, что в отечественном пространстве все еще нет такого же выверенного до учета мельчайших деталей и нюансов измерения времени, как это характерно для западных обществ. В общем и целом, на разных этапах своего исторического развития российское государство заимствовало институты как Востока (институт преемственности, или престолонаследия), так и Запада (в форме адаптированного под отечественные реалии Вече), однако еще раз отмечаем, что все чаще заметна ведущая роль правителя и / или церкви, от одобрения или порицания которых во многом зависела общая эффективность функционирования национальной архитектоники.

Заключение

В связи с последними событиями, беспрецедентным образом сказавшихся на социодинамике и изменениях всех без исключения аспектов жизнедеятельности и произошедшим «вывихом» времени, актуализируется проблема исследования новой темпоральности, а также выявления особенностей ее влияния на преобразования социокультурной реальности, формирование качественно иных институтов и практик.

На начальном этапе исследования был осуществлен анализ теоретических источников, освещающих сущность времени, что позволяет сделать вывод о его неоднородности, представленности во временном потоке различных темпоральностей, которые условно могут быть сведены к индивидуальной, социальной и исторической версиям.

Социальное время представляет собой историю групп и общностей, формирующееся в результате интересубъективных взаимодействий, всегда направленных на будущее и достижение его идеального образа, что актуализирует накопленный экзистенциальный опыт прошлого, а также протекающее в настоящем, или текущем моменте. Следствием коммуникативных взаимодействий выступает формирование всех существующих институтов и практик, их дополнительное осмысливание, наделение теми значениями, которые, в свою очередь, обуславливают когнитивный характер самих социальных структур. Темпоральность как неотъемлемая составляющая национальной ментальности находит свое отражение в преобразованиях социокультурной реальности и институциональном строительстве, а сами установления обретают национально маркированные особенности и функции.

В наиболее общем виде модели социального времени могут быть сведены к линейной, циклической, линейно-циклической. Ярким отражением циклической парадигмы времени выступает китайская культура, для которой характерны обращенность в прошлое и восприятие социальной действительности как чего-то повторяющегося по неизменному сценарию. В социальном отношении циклическая темпоральность отражается в ритуализированности и иерархизированности практик и взаимодействий между людьми, а также наличием такой

стратификации, которая воспринимается как нечто должное. Регуляторные функции при этом переносятся на саму личность, а нормы морали оцениваются гораздо выше, чем нормы права.

Линейная парадигма времени во многом связана с христианством, ярко выражена в протестантизме, воспринимающем ход исторического развития как деградацию, путь от рая к Апокалипсису. Для протестантов нет посредников между Богом и человеком, надежду на спасение можно лишь заработать, добиться своим трудом и служением. Для западных культур характерно наличие многочисленных институтов, регулирующих социальные взаимодействия между индивидуумами.

Отечественная темпоральность формируется на стыке восточных и западных культур, под сильным влиянием православия, для которого характерна линейно-циклическая парадигма времени. Исторический ход интерпретируется по аналогии протестантскому, но, в отличие от него, в российской культуре есть надежда на спасение благодаря посредничеству. Господствующая роль в системе социальных взаимодействий на протяжении столетий, в том числе влияние на формирование социальных институтов и жизненный уклад, напрямую зависит от правителя или церковных предписаний. При этом для российского общества характерно стремление к преобразованию социокультурной действительности, что сочетается с принятием мира во всем многообразии его проявлений, что и определяет проявления свойственных для западного и восточного типа обществ социальные практики.

Отдельно следует отметить, что полученными результатами все особенности отражения восприятия времени в социокультурной реальности не ограничиваются, а работа в данном направлении будет продолжена. В качестве приоритетов дальнейших исследований можно назвать следующие:

- Изучение особенностей воплощения различных парадигм социального времени в конкретных эмпирических контекстах на примере конкретных институтов;
- Осмысление трансформаций циклического, линейного, линейно-циклического времени непосредственно под влиянием пандемии, а также выявление особенностей воплощения этих изменений при формировании новых институтов и практик.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_018_00.htm (Дата обращения: 11.01.2023)
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Джаксон Т. Н. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 170-179.
4. Джумайло О. А. Специфика романной исповедальности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (168). – С. 95-100.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 14: Дневник писателя. – СПб.: «Наука», 1995. – 783 с.
6. Дугин А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://4pt.su/ru/content/социология-русского-общества> (Дата обращения: 12.01.2023)
7. Ерохин В. Н. Религиозный фактор в происхождении Английской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2017. – Т. 62. – № 3. – С. 560-576.
8. Равочкин Н.Н. Детерминационные и объяснительные возможности идей // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 69-79.
9. Рудаков М. В. О новых акцентах в изучении протестантизма и культуры протестантских стран // Вестник славянских культур. – 2012. – № 3 (25). – С. 29-36.
10. Hill C. Intellectual Origins of the English Revolution. – Oxford: Clarendon Press, 1965. – 333 p.
11. Hill C. Puritanism and Revolution. – London: Seckerand Warburg, 1995. – 402 p.

**The influence of temporality on the functioning of social institutions
in the realities of the modern world: philosophical analysis (part 2)**

Nikita N. Ravochkin

Doctor of philosophical sciences,
Associate professor,
Associate professor of pedagogical technologies department,
Kuzbass State Agricultural Academy,
Professor of History, philosophy and social sciences department,
Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,
650000, 28, Vesennyaya str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Sergei V. Maksimov

Doctor of philosophical sciences, associate professor,
Professor of Philosophy department,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodnyy ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: marxserge@mail.ru

Aleksandr V. Mlechko

Doctor of philological sciences, associate professor,
Professor of Russian philology and journalism department,
Volgograd State University,
400062, 100, University ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: mlechko@mail.ru

Natal'ya A. Stenina

PhD in technical sciences, associate professor,
Dean of Engineering faculty,
Kuzbass State Agricultural Academy,
650056, 5, Markovtseva str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: stnat33@mail.ru

Roman A. Yur'ev

PhD in philosophical sciences, associate professor,
Associate professor of History of philosophy and logic department,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenina ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: yuriev2003@mail.ru

Abstract

The article examines the influence of temporality on the functioning of social institutions in modern empirical contexts. The cause-and-effect relationships between the transformation of socio-cultural reality and temporality are identified and traced. The different nature of the flow of time in the world regions is argued. It is proposed to focus on the features of institutional building depending on the type of temporality. The specifics of the determinative impact of Western and domestic temporality on the processes of institutional building are analyzed. At the end of the study, the authors sum up the general results of the work carried out and outline the panorama of further research.

For citation

Ravochkin N.N., Maksimov S.V., Mlechko A.V., Stenina N.A., Yur'ev R.A. (2023) Vliyanie temporal'nosti na funktsionirovanie sotsial'nykh institutov v realiyakh sovremennogo mira: filosofskii analiz (chast' 2) [The influence of temporality on the functioning of social institutions in the realities of the modern world: philosophical analysis (part 2)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (2A), pp. 215-225. DOI: 10.34670/AR.2023.36.66.036

Keywords

Temporality, society, institution, interactions, culture.

References

1. Berdyaev N.A. (1923) Dostoevsky's world outlook. Prague: YMCA-Press. [E-source]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1923_018_00.htm (Date of access: 11.01.2023)
2. Weber M. (1990) Selected works. Moscow: Progress.
3. Jackson T.N. (2015) «Country of cities» and its capital: Novgorod in the worldview of medieval Scandinavians. *Slověne*, Vol. 4, № 1, pp. 170-179.
4. Jumailo O.A. (2012) The specificity of the novel confession // *News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences*, 2 (168), pp. 95-100.
5. Dostoevsky F.M. (1995) Collected works in 15 volumes. Vol. 14: Writer's Diary. Saint-Petersburg: «Nauka».
6. Dugin A.G. (2011) Sociology of Russian society. Russia between Chaos and Logos. Moscow: Academic Project; Gaudeamus. [E-source]. URL: <http://4pt.su/ru/content/социология-русского-общества> (Date of access: 12.01.2023)
7. Erokhin V.N. (2017) The Religious Factor in the Origin of the English Revolution. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, Vol. 62, 3, pp. 560-576.
8. Ravochkin N.N. (2021) Determinative and explanatory possibilities of ideas. *Humanities and social sciences*, 4, pp. 69-79.
9. Rudakov M.V. (2012) On new accents in the study of Protestantism and the culture of Protestant countries. *Herald of Slavic Cultures*, 3 (25), pp. 29-36.
10. Hill C. (1965) Intellectual Origins of the English Revolution. Oxford: Clarendon Press.
11. Hill C. (1995) Puritanism and Revolution. London: Secker and Warburg.